

Д. В. Балашов

МОРАЛЬНЫЕ ИНТУИЦИИ: КАК РЕВОЛЮЦИЯ В НЕЙРОНАУКАХ ВЛИЯЕТ НА ЭТИКУ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ ФИЛОСОФИЮ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дмитрий Викторович Балашов — кандидат юридических наук, старший преподаватель департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: dbalashov@hse.ru.

Аннотация. Новые методы в нейронауках, ставшие доступными на рубеже XIX—XX вв., позволили совершить рывок в понимании принципов функционирования человеческого мозга, в том числе и в ситуации этического выбора. Обращение к анализу моральных интуиций оказалось настолько плодотворным, что привело к расцвету психологии морали, для которой данные интуиции стали основным предметом исследований. Открытия в нейронауках и психологии морали не могли не повлиять на сферы знания, в рамках которых традиционно изучались моральные дилеммы и моральные интуиции, прежде всего на этику и политическую философию. Отразились они и на политических науках.

К числу наиболее известных и важных своему воздействию на этику и политическую философию относится концепция «глубокого прагматизма» Джошуа Грина, базирующаяся на многочисленных эмпирических исследованиях реакции человеческого мозга на этические вызовы. Но не меньшее, а потенциально и большее значение для этих дисциплин и особенно для политических наук имеет теория моральных оснований Джонатана Хайдта, тоже опирающаяся на исследования мозга и нейронных процессов.

В статье подробно рассматриваются исследования Грина, заставившие его сформулировать собственную нормативную политико-философскую концепцию, а также сама концепция «глубокого прагматизма». Показывается, что, несмотря на попытки Грина дистанцироваться от утилитаризма, его концепция, по сути, представляет собой лишь новую итерацию утилитаристской теории справедливости, причем уступающую в плане обоснования другим ее современным версиям. В заключительной части статьи автор обращается к теории Хайдта, фиксируя те вызовы, которые она ставит перед нормативной философией и политическими науками.

Ключевые слова: мысленный эксперимент, моральные дилеммы, утилитаризм, «гильотина Юма», моральные интуиции, концепция «глубокого прагматизма», теория моральных оснований

Интуитивизм отрицает, что существует какое-либо полезное и точное решение проблемы приоритета. Я хочу теперь обсудить этот вопрос.

Джон Ролз

Введение

Философия морали всегда играла важнейшую роль в построениях политических философов. Распространение этических правил на общество в целом в принципе характерно для политической философии. Апелляция к универсальным этическим нормам позволяет участникам политического процесса легитимировать тот или иной политический курс в глазах управляемых, а также обосновывать для управляющих (политических элит) тот вектор, которому они должны следовать. Не обходят полностью вопросы морали даже те политико-философские теории, которые исторически считаются имморальными, если не аморальными¹.

¹ См. Алексеева 2015; Капустин 2015.

Для дискуссии о социальной справедливости, оказавшей серьезное влияние на западную политическую философию, вопрос этического обоснования справедливого общественного устройства являлся определяющим. Он занимал существенное место в трудах ключевых участников полемики — Джона Ролза, Роберта Нозика, Рональда Дворкина, Амартии Сена, Марты Нуссбаум и др. Однако активные споры, не затихавшие на протяжении всей второй половины XX в., так и не привели к выработке некоей универсальной идеи справедливости.

Возобновление дискуссии о социальной справедливости связано с развитием областей знания, изначально находившихся на ее периферии, — нейронауки и психологии морали. Открытия конца XX в. позволили совершить рывок в понимании того, как человеческий мозг реагирует на этические вызовы. Исследования Джошуа Грина, Джонатана Хайдта, Даниэля Каннемана, Амоса Тверски и ряда других ученых пролили свет на многие реакции человека, стоящего перед этическим выбором.

К числу наиболее известных и важных своему воздействию на нормативную философию и политические науки относится концепция «глубокого прагматизма» (deeper pragmatism) Грина, базирующаяся на многочисленных эмпирических исследованиях реакции человеческого мозга на этические вызовы и, по сути, представляющая собой новую итерацию утилитаристской теории справедливости. Но не меньшее, а потенциально и большее значение для нормативной философии и особенно политических наук имеет теория моральных оснований (moral foundations theory) Хайдта, тоже опирающаяся на исследования мозга и нейронных процессов.

В настоящей статье будут рассмотрены исследования Грина, его концепция «глубокого прагматизма» и ее изъяны. В последнем разделе на основе теории Хайдта будут обозначены те вызовы, которые современные открытия в нейронауках ставят перед нормативной философией и политическими науками.

Мысленные эксперименты, политическая философия и нейронауки

Одним из излюбленных методов этической и политической философии в рамках аналитической традиции, получившей особую популярность в англоговорящих странах, стал мысленный эксперимент. Он востребован в областях, где по тем или иным причинам (прежде всего этического свойства) проведение эмпирического исследования невозможно. Будучи сугубо гипотетической, смоделированная мысленным экспериментом ситуация призвана наглядно продемонстрировать правоту позиции, отстаиваемой философом. Ярким примером подобного эксперимента является модель общественного договора Джона Ролза. Включение в классическую версию этой модели ряда новых элементов вроде «вуали неведения» позволили Ролзу сформулировать два принципа, лежащие в основе справедливо устроенного общества². Мысленные эксперименты использовал и главный оппонент Ролза — Нозик³, а также многие другие участники дискуссии о социальной справедливости.

Среди разновидностей мысленного эксперимента особого упоминания заслуживают моральные дилеммы, которые сформулированы таким образом, чтобы выявить базовые этические интуиции человека. Вероятно, самая известная из них — «дилемма вагонетки» (trolley problem)⁴. Будучи изначально предложена в 1967 г. Филиппой Фут⁵, эта дилемма в различных своих итерациях⁶ быстро набрала популярность и даже породила специфическую область академического знания — «вагонеткологию» (trolleylogy)⁷. Но и «дилемма вагонетки», и другие мысленные эксперименты скорее фиксировали существующие проблемы и не столько давали ответы на интересующие исследователей вопросы, сколько ставили новые.

Классическая версия этой дилеммы звучит следующим образом. Представьте, что вы как сторонний зритель наблюдаете, как по железнодорожным путям несется потерявшая управление вагонетка. На ее пути к рельсам привязаны пять человек, и можно с уверенностью ожидать, что все они погибнут, если вагонетка продолжит свой путь. Но рядом с вами есть переключатель, который позволяет перевести железнодорожную стрелку, направив вагонетку на боковой тупиковый путь. К несчастью, жертвы будут и в этом случае, ибо на путях находится человек, который наверняка погибнет, если вы переведете стрелку. Что вам следует делать в такой ситуации?

Утилитаристский ответ предполагает выбор в пользу переключения стрелки, так как пять спасенных жизней очевидно перевешивают потерю одной. На примере данной дилеммы Фут хотела продемонстрировать изъяны утилитаристской этики и ее недопустимость, однако ког-

² Ролз 2017.

³ Нозик 2016.

⁴ В литературе можно встретить и другие ее наименования, в частности «трамвай», «тупик» или «the spur dilemma» (см. Прокофьев 2016; Эдмондс 2019).

⁵ Фут 1978.

⁶ См. Thomson 1986; Эдмондс 2019.

⁷ Эдмондс 2019: 26.

да дилемму поставили перед широким кругом людей, а не только перед профессиональными философами, выяснилось, что более 2/3 считают правильным переключить стрелку и спасти пять жизней ценой одной потерянной. Сходные результаты дали многочисленные независимые друг от друга эксперименты по всему миру⁸. То есть можно говорить о том, что моральные интуиции большинства соотносятся с утилитаристской этикой.

⁸ В ходе них за переключение стрелки высказывались от 66% до 90% участников (Там же: 127).

⁹ Другие ее наименования: «пешеходный мост» и «толстяк» (см. Прокофьев 2016; Эдмондс 2019).

¹⁰ Thomson 1986.

Не менее интересные результаты были получены при модификации «дилеммы вагонетки». «Дилемма толстяка»⁹ в известном сегодня виде была сформулирована в 1976 г. Джудит Джарвис Томсон¹⁰. Суть ее состоит в следующем. Представьте, что вы стоите на пешеходном мосту над железнодорожными путями. Сверху вы видите, что по путям в направлении моста мчится потерявшая управление вагонетка, а с другой стороны моста на путях, как и в классическом сценарии, находятся пять человек, которые погибнут, если ничего не предпринять. Но по центру моста, ровно над путями, стоит очень грузный человек, и вы понимаете, что если столкнуть его на железнодорожные пути, то ценой своей жизни он остановит вагонетку, которая врежется в него. При этом вам самому прыгать на пути бесполезно, так как массы вашего тела не хватит, чтобы остановить вагонетку. Как вы должны поступить в такой ситуации?

Удивительно, но, несмотря на схожесть сценариев, в этом случае большинство участников эксперимента дали противоположный ответ — от 70% до 90% из них сочли, что толкать «толстяка» на пути недопустимо¹¹. Это заставило ученых задуматься о работе моральных интуиций человека и поставило вопрос о том, в пользу какой этической программы в итоге говорят данные эксперименты.

¹¹ Greene 2013: 215; Эдмондс 2019: 127.

¹² Грин именуем первую «дилеммой / кейсом переключателя» (the switch dilemma / case), а вторую — «дилеммой / кейсом пешеходного моста» (the foot-bridge dilemma / case) (Green 2013: 113—115).

Как уже отмечалось, в ходе дискуссии в философском сообществе выработать единый ответ на этот вопрос так и не удалось. Однако в 90-е годы XX в. на моральные дилеммы обратили внимание нейрочеловеческие, и некоторые из них сделали моральные дилеммы главным предметом своих изысканий. Нейро- и психологические исследования, которые охватили темы, ранее интересовавшие исключительно этических и политических философов, позволили оживить зашедшую в тупик дискуссию и обеспечить множество эмпирических данных, проливающих свет на моральные интуиции, опираясь на которые строили свои этические и политико-философские концепции в том числе и участники дискуссии о социальной справедливости.

Исследования Джошуа Грина и концепция «глубокого прагматизма»

Разум и эволюция. Проведенные Грином исследования с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии показали, что при ответе испытуемых на классическую «дилемму вагонетки» и «дилемму толстяка»¹² задействуются различные участки мозга. Это поставило перед исследователем вопрос о том, почему мозг функционирует именно таким образом. Грин установил, что в ситуации морального выбора определенный участок человеческого мозга остро и,

по сути, автоматически реагирует на необходимость поступка, который может повлечь смерть другого человека (как в «дилемме толстяка»). При отсутствии же непосредственного контакта с другим человеком, когда ситуация предполагает обдумывание и оценку плюсов и минусов поступка (как в классической «дилемме вагонетки»), на первый план выходит утилитаристское решение, и за этот процесс отвечает другой участок мозга.

Для иллюстрации выявленного принципа функционирования человеческого мозга Грин использует метафору фотоаппарата. Большинство современных фотокамер имеет два режима работы: автоматический и ручной. И у того, и у другого есть свои преимущества. Автоматические режимы («портрет», «панорама» и т.п.) позволяют быстро и без каких-либо дополнительных усилий получать достаточно качественные снимки с заранее заданными характеристиками. Если же фотограф хочет создать уникальную авторскую фотографию, он может переключить камеру в ручной режим и установить свои настройки. «Камера как с автоматическими настройками, так и с ручным режимом — пример элегантного решения распространенной проблемы конструкции, а именно компромисса между эффективностью и гибкостью»¹³.

¹³ Ibid.: 133.

Согласно Грину, человеческий мозг человека устроен сходным образом. Реакция испытуемых на перспективу столкновения человека с мостом в «дилемме толстяка» есть следствие функционирования мозга в *автоматическом* режиме, интуитивно запрещающем такое поведение. Реакция же на классическую «дилемму вагонетки» — это уже реакция второго уровня, это попытка рационального обдумывания задачи, что связано с переводом мозга в *ручной режим*.

Почему же человеческий мозг устроен именно так? Грин полагает, что это результат длившейся миллионы лет эволюции человека. Встроенный блокиратор вреда другому представителю своего вида позволил человеку выжить и кооперировать в группах, что является одним из минимальных исходных условий появления общества как такового. Вместе с тем было бы неверно утверждать, что человеческий мозг функционирует исключительно на альтруистических началах. При переходе в *ручной режим* работы ключевыми становятся другие цели, а именно наиболее благоприятные последствия принятого решения. Это уже логика утилитаризма.

К этому следует добавить, что эволюционно сформировавшийся *автоматический режим* функционирования человеческого мозга далеко не исчерпывается отрицательной реакцией на возможный вред другому. Спектр работы автоматической системы мозга гораздо шире и не охватывается дилеммами вроде «толстяка», фиксирующими лишь одну из возможных реакций. В частности, Грин указывает, что одним из свойств нашего мозга является определение «своих» и «чужих», которое, способствуя сотрудничеству внутри групп, не просто не помогает, но и препятствует сотрудничеству между группами: «С биологической точки зрения люди были созданы для сотрудничества, но только с не-

которыми из людей. Моральные принципы нашего мозга (our moral brains) эволюционировали для сотрудничества *в рамках группы* и, возможно, только в контексте личных отношений. Моральные принципы мозга развивались не для сотрудничества *между группами* (по крайней мере, не между всеми из них)¹⁴.

¹⁴ *Ibid.*: 23.

«Трайбализм», присущий современному человеку, такое же эволюционное наследие, как и моральные интуиции, препятствующие (во всяком случае на автоматическом уровне) причинению вреда другим. По сути, наша биологическая природа предопределяет как кооперацию между людьми, так и конфликты между группами.

Установив механизм функционирования *homo sapiens*, Грин попытался сделать следующий шаг и на основании своих открытий выработать этико- и политико-философскую концепцию, позволяющую если не преодолеть биологический детерминизм, то хотя бы использовать возможности человеческого мозга на благо.

Глубокий прагматизм. Формулируя свою нормативную концепцию, Грин отталкивается от описанного выше *двухрежимного* функционирования мозга человека. Те участки, которые отвечают за *ручной режим* работы, то есть за обдумывание и принятие решения в каждом конкретном случае, демонстрируют, что человек склонен к принятию утилитаристского решения, ставящего во главу угла конечный результат и подсчет потерь и приобретений. Так происходит при реакции на классическую «дилемму вагонетки».

Именно этот режим оценки окружающей действительности побуждает Грина заключить, что наиболее сложный и совершенный механизм работы мозга указывает на утилитаризм. Далее исследователь осторожно переходит к обоснованию правоты утилитаристской программы на основе полученных данных: «это не доказывает, что утилитаристское мышление правильно или что неутилитаристское мышление неправильно <...> Тем не менее это замечательная конвергенция»¹⁵. Но сами по себе реакции мозга не могут содержать в себе всеобъемлющую утилитаристскую программу, и Грин делает попытку ее сформулировать.

¹⁵ *Ibid.*: 172—173.

Утилитаризм, максимум которого традиционно считается наибольшее счастье наибольшего числа людей, известен с конца XVIII в.¹⁶, когда Иеремия Бентам изложил его ключевые положения в книге «Введение в основания нравственности и законодательства»¹⁷. За свою более чем 200-летнюю историю утилитаризм знал и взлеты популярности, и ее падения. На рубеже XX—XXI вв. он пребывал в продолжавшемся не одно десятилетие кризисе. «Термин „консеквенциализм“¹⁸ настолько непривлекателен, что хорошо бы отдать его тому, кто на него позарится»¹⁹, — писал в начале XXI в. Амартия Сен. При создании своей нормативной теории Грин учитывает репутационные проблемы утилитаризма, констатируя, что «слово на букву „У“ (U-word) столь безобразно и до такой степени вводит в заблуждение, что нам лучше от него

¹⁶ *Различные формы «протоутилитаризма» существовали и ранее (см. Прокофьев 2020: 196).*

¹⁷ *Бентам 1998.*

¹⁸ *Зонтичный термин, охватывающий родственные утилитаризму теории.*

¹⁹ *Сен 2016: 288.*

²⁰ *Greene 2013: 153—154.*

отказаться»²⁰. Это одна из причин, по которой он избегает его, называя собственную концепцию «глубоким прагматизмом», хотя на самом деле она не имеет ничего общего с философией прагматизма, возникшей в США в конце XIX в.

В любом случае разработанная Грином концепция отличается как от канонических версий утилитаризма, так и от наиболее радикальных его вариантов. Бесспорно, она включает в себя все основные положения утилитаризма: при оценке поступка акцент делается на его последствиях; идеалом является достижение наиболее благоприятных последствий наиболее эффективным способом. Подобно классическому утилитаризму, она подразумевает максимизацию счастья максимального количества людей. При всем том в ней предпринята попытка преодолеть те изъяны, которые обычно ставятся в вину утилитаристам.

Во-первых, концепция Грина не претендует на определение окончательного идеала социального устройства. Это не всеобъемлющая универсальная концепция вроде тех, что формулировали классики утилитаризма и других теорий справедливости, включая Ролза и Нозика, а скорее некий механизм решения сложных вопросов *ad hoc*, в основании которого лежит утилитаристский принцип. Это позволяет Грину избежать утопизма, в котором обвиняли многие версии утилитаризма.

Во-вторых, Грин пытается уйти от радикальных проявлений утилитаризма, являющихся предметом постоянной критики. В частности, «глубокий прагматизм» не предполагает постоянного подсчета степени максимизации конечного блага. Согласно Грину, это противоречило бы самой идее счастливой жизни, ибо человек не робот и не создан эволюционно для таких подсчетов. «Глубокий прагматизм» должен использоваться для решения особо острых социальных проблем, но никак не для проникновения в повседневность²¹. Сходным образом не дает Грин повода для подозрений в симпатиях к дирижизму, меритократии, авторитаризму, в которых обычно упрекают утилитаристов. Более того, он всячески подчеркивает, что демократия значительно превосходит любые виды автократии в плане эффективности²².

Грин не приводит подробных аргументов в обоснование своих утверждений. Например, тезис о том, что демократия является наиболее эффективной формой политического устройства, преподносится Грином как нечто само собой разумеющееся. Подобная точка зрения действительно была характерна для западного академического и политического нарратива на рубеже XX—XXI вв. Однако в последние годы теория демократии находится в перманентном кризисе²³, появляется все больше исследований, демонстрирующих, что эффективность западной модели базируется не на демократии, а на других факторах²⁴. В высшей степени дискуссионным оказывается и сам термин «демократия», как и вопрос о том, существует ли где-то в современном мире демократия или нет²⁵. Все это Грин оставляет за скобками, принимая за аксиому, что *демократия эффективнее*. Так же обстоит дело и со многими другими утверждениями. Но помимо проблем, идущих из утилитаризма,

²¹ *Ibid.: 166—168.*

²² *Ibid.: 169.*

²³ *См. Крауч 2010; Макферсон 2011; Крастев 2018; Майр 2019.*

²⁴ *См., напр. Померанц 2017.*

²⁵ *См. Ван Рейбрук 2018.*

которые Грин хоть как-то обозначает и старается преодолеть, «глубокому прагматизму» присущи и те, что выпадают из его поля зрения. И эти проблемы, на наш взгляд, заслуживают особого внимания.

**Критика
«глубокого
прагматизма»**

«Гильотина Юма». В XVIII в. Дэвид Юм сформулировал принцип, смысл которого в первом приближении передает следующий пассаж: «Я заметил, что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным способом, устанавливает существование бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно *есть* или *не есть*, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки *должно* или *не должно*. Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна»²⁶. Со временем данный принцип стал известен как «гильотина Юма», и суть его в том, что из дескриптивного описания явлений не может быть выведено прескриптивное (нормативное) суждение — тут возникает логическая ошибка. Из «*есть*» нельзя вывести то, что «*должно*», если, конечно, не придерживаться ультрадарвинистской позиции, согласно которой все, что происходит на основании эволюционного механизма, *должно* было произойти.

²⁶ Юм 1995: 229—230.

«Гильотину Юма» постоянно критикуют представители эмпирических наук, для которых она делает невозможным переход в область нормативных дискуссий — этики, права, политической философии. Но, несмотря на всю критику, приходится констатировать, что высказанные Юмом соображения так и не были опровергнуты²⁷. Именно их и не учитывает Грин в своей концепции «глубокого прагматизма». Осторожность, с которой исследователь переходит от изучения особенностей функционирования областей человеческого мозга, отвечающих за утилитаристскую реакцию, к нормативной теории, позволяет предположить, что проблему он осознает. Тем не менее он не уделяет ей внимания. Это не только делает его рассуждения спекулятивными, но и порождает другую проблему. Действительно новаторские эмпирические исследования и научные открытия Грина своим авторитетом работают на то, чтобы неосведомленный читатель решил, будто современная наука дает доказательства в пользу утилитаризма как верной нормативной модели для социума. На практике же это не так, и пропасть, лежащая между исследованиями мозга и «глубоким прагматизмом», не преодолена.

²⁷ Максимов 2012: 142.

С учетом вышесказанного к концепции Грина возникает еще несколько вопросов. Исследователь полагает, что социальная нормативная теория должна ориентироваться на моральные интуиции, свойственные той части человеческого мозга, для которой характерен утилитаристский стиль мышления. Эта часть мозга претендует на более сложное, «медленное» (по Даниэлю Канеману²⁸) обдумывание, или

²⁸ Канеман 2019.

ручной режим работы, если вернуться к метафоре фотоаппарата. Конечно, в этом есть логика. Но насколько оправданно брать для переноса на уровень социального правила только эту часть сложного и цельного механизма человеческого мозга? Не приведет ли принудительная замена утилитаризмом альтруистических реакций в социальных вопросах, присущих *автоматическому* «быстрому» мышлению, к разрушению социального доверия? Ведь взаимодействие (доверие) в рамках групп эволюционно обеспечено именно *автоматическим* уровнем.

Наконец, насколько рациональным, а не *интуитивным* посылом руководствуется сам Грин, когда переносит утилитаристские следствия работы некоторых областей человеческого мозга на социальную нормативную теорию? Ведь механизм эволюции слеп (если исходить из дарвинистской точки зрения), и эволюция возможна только через многочисленные тупики, ошибки и трагедии отдельных видов. Готов ли Грин принять любые витки и зигзаги эволюции и взять их за правило? Можно предположить, что нет; более того, складывается впечатление, что он вычленил именно утилитаристскую механику работы мозга, так как та соответствовала его философским взглядам, сформировавшимся до и независимо от эмпирических исследований. Этот последний тезис отсылает к упоминавшейся выше теории Хайдта, однако прежде чем переходить к ее обсуждению, стоит остановиться на еще одном слабом месте концепции Грина, связанным с понятием эффективности.

Неоднозначность эффективных решений. Допустим, что Грин по той или иной причине принял утилитаристскую точку зрения и сформулировал концепцию «глубокого прагматизма» как наиболее эффективный способ решения вопросов социальной справедливости и глобального управления. Напомним, что «глубокий прагматизм» — это не утопическая всеохватывающая концепция, а инструмент, применяемый в наиболее сложных ситуациях. Максима утилитаризма и, соответственно, «глубокого прагматизма» заключается в том, что принимаемое *ad hoc* решение должно прежде всего отвечать требованию эффективности, то есть обеспечивать наилучший результат. Грин убежден, что «глубокий прагматизм» позволит этого добиться, и противопоставляет его различным деонтологическим (неэффективным) подходам.

На первый взгляд эта логика выглядит верной, но если рассмотреть проблему эффективности более подробно, то все может оказаться гораздо сложнее, чем представлялось изначально. Эффективность предполагает расчет, а провести его таким образом, чтобы прогноз, заложенный в модель расчета, реализовался, пусть и с погрешностью, крайне сложно. Ни экономические, ни политические, ни другие социальные науки на сегодняшний день не предоставляют такой возможности. Правильнее говорить о «вероятностях», «сценариях», не забывая и о «черных лебедях», которые могут кардинально сломать любые прогнозы. В этом случае утилитаристская логика сталкивается с фундаментальным вызовом.

Мало того, при попытке разобраться в том, что эффективнее в той или иной области, мы нередко сталкиваемся с наличием сразу нескольких концепций, зачастую противоречащих друг другу, каждая из которых обещает обеспечить наибольшую эффективность. В качестве примера рассмотрим такую отрасль экономической науки, как экономика развития, сфокусированная на проблемах беднейших стран. В полном соответствии с эффективностью по Вильфредо Парето²⁹, предлагаемые представителями этой дисциплины рецепты подразумевают достижение максимальной эффективности в масштабах планеты, а потому попадают в зону интереса утилитаризма, тем более что на глобальном уровне утилитаристские программы сосредоточены на помощи жителям именно бедных стран.

²⁹ Блауг 2009: 213.

В настоящее время в рамках экономики развития существует широкий спектр концепций, претендующих на истинность и, соответственно, эффективность. Так, Джеффри Сакс связывает эффективное развитие беднейших стран с масштабными государственными инвестициями в ключевые сферы экономики, а также в медицину, образование, инфраструктуру и т.п.³⁰ Напротив, Уильям Истерли убежден, что государственные инвестиции крайне неэффективны и приносят больше вреда, чем пользы³¹. По его мнению, практики, которые в итоге позволят решить проблему развития, должны зарождаться на низовом уровне, среди рядовых граждан и частных предпринимателей. Это диаметрально противоположный взгляд на проблему.

³⁰ Сакс 2011.

³¹ Easterly 2006.

В свою очередь Дарен Аджемоглу и Джеймс Робинсон считают, что развитие тех или иных сообществ зависит от случайных исторических обстоятельств, которые невозможно модерировать. Более того, если какое-то сообщество встало на путь развития, а другое нет, разница между ними со временем будет только расти: «Подобно тому, как в двух изолированных одна от другой популяциях одного и того же вида наборы генов начинают постепенно все более и более различаться в результате случайных мутаций (так называемый „дрейф генов“), два изначально схожих человеческих общества тоже будут все больше расходиться вследствие „дрейфа институций“»³². И этот процесс практически неподвластен человеку. О какой эффективности в таком случае может идти речь?

³² Аджемоглу и Робинсон 2020: 569.

В экономике развития имеются и другие точки зрения, предполагающие кардинально отличающиеся друг от друга ответы на вопрос о социальной эффективности³³, но подробное их освещение выходит за рамки статьи. Целью данного экскурса было продемонстрировать, что эффективность утилитаризма, которую Грин принимает как аксиому, отнюдь таковой не является. Если Грин решил сформулировать оригинальную утилитаристскую концепцию, ее обоснование должно быть гораздо более фундаментальным.

³³ См. Балашов 2024.

В концепции Грина есть и другие аспекты, которые могут быть подвергнуты критике. Однако при всех слабостях «глубокого прагматизма» проблема заключается в том, что, не будучи подкреплены новы-

ми универсальными нормативными теориями, революционные открытия в нейронауках, имевшие место в последние годы, несут в себе куда больший вызов для нормативной философии и политической науки.

**«Эмоциональные собаки»
Джонатана Хайдта и угрозы для нормативной философии и политических наук**

Грин сформулировал свою концепцию «глубокого прагматизма», опираясь на многочисленные эксперименты, в ходе которых пришел к заключению, что второй — медленный и более рациональный — уровень человеческого мышления функционирует в соответствии с утилитаристскими принципами. Но что если работа нашего мозга строится таким образом, что ведущую роль там играют автоматические реакции и, соответственно, автоматические моральные интуиции? Можем ли мы в этом случае утверждать, что эмпирические исследования дают основания для утилитаристской или какой-либо другой этической программы? Тоже являясь специалистом и новатором в нейронауках, Хайдт предлагает иное, нежели Грин, видение моральных интуиций, и его подход принципиально отличается от гриновского.

³⁴ Haidt 2001.

В статье «Эмоциональная собака и ее рациональный хвост»³⁴ Хайдт высказывает идею, согласно которой определяющее значение для человека имеют автоматические моральные интуиции, то есть та самая «эмоциональная собака», а рациональный уровень обеспечивает лишь сопровождение интуиций, выступая в роли «хвоста». И в подавляющем большинстве случаев не «хвост виляет собакой», а как раз наоборот.

Хайдт выделяет шесть элементов, позволяющих индивиду сформировать моральную установку: (1) интуитивные суждения, возникающие автоматически и без усилий; (2) рассуждения, используемые внутри себя для подтверждения уже вынесенной оценки; (3) рассуждения, адресованные другим людям и призванные убедить их в правильности уже вынесенной оценки; (4) коррекция суждений при столкновении с оценками друзей, союзников, знакомых; (5) преодоление исходного интуитивного суждения силой «чистой логики», то есть аргументации, обращенной к самому себе; (6) активация противоположной интуиции и превращение ее в доминирующую на основе эмпатических переживаний, но при некотором участии внутреннего диалога³⁵. Важно отметить, что последние два элемента — пятый и шестой — в жизни почти не встречаются. Преодоление интуитивного суждения силой «чистой логики», по сути, доступно исключительно профессиональным философам и ограниченному числу выдающихся людей. Для всех остальных определяющей будет моральная позиция, сформировавшаяся автоматически.

³⁵ *Ibid.*: 818—819. См. также Прокофьев 2016: 148.

Какова же роль этики, политико-философских теорий справедливости и иных нормативных концепций? По Хайдту, она очень невелика. Конечно, хотя сформировавшийся человек интуитивно понимает свою правоту по тому или иному этическому вопросу, но если тот становится предметом полемики, желательнее, чтобы интуиция имела хорошее логическое обоснование и — в идеале — была подтверждена стройной теорией. Все это так, вот только проблема в том, что «собака» уже зна-

ет, что правильно, а что нет, и рационализирующий интуицию «хвост» остается не более чем «хвостом».

Это кардинально меняет значимость интуиций и возможность рационализации моральной теории. Там, где Грин видит эволюционно детерминированный шаг в сторону утилитаризма, который он, как ему кажется, лишь доводит до логического завершения, отражая в своей концепции заложенную в человеке склонность к рациональному принятию решений, Хайдт усматривает совершенно другое. С его точки зрения, индивид лишь рационализирует интуитивно и эмоционально сформировавшуюся позицию, а не формулирует ее. Но раз так, то «глубокий прагматизм» и любая иная нормативная теория лишь обслуживают существующие моральные установки. Например, если на интуитивном уровне утилитаризм Грина кому-то не близок, он всегда может найти другую теорию, хорошо рационализирующую его внутренние интуиции.

Вывод, который отсюда следует, крайне пессимистичен для нормативной философии и политических наук. Концепция Хайдта, с одной стороны, девальвирует внутреннюю (intrinsic) ценность всех нормативных теорий, а с другой — лишает этику и политическую философию универсализма, к которому те стремятся. Но если для этики и политической философии таящаяся в ней угроза не столь фатальна (как из-за все той же «гильотины Юма», так и потому, что солипсизм, агностицизм, скептицизм и тому подобные философские течения известны как минимум со времен Античности и тем не менее не помешали развитию философии), то для политических наук теория Хайдта, если она, конечно, истинна, может стать принципиальным вызовом.

По сути, гипотеза Хайдта заключается в том, что мнение человека по вопросам морали, социальной справедливости и других нормативных категорий формируется в рамках особого неконтролируемого процесса, после чего оно практически не поддается изменению. В ходе дальнейших исследований Хайдт получил подтверждение ее релевантности³⁶. Проанализировав на обширном эмпирическом материале установки американцев, придерживающихся консервативных и прогрессистских (либеральных) взглядов, он пришел к выводу, что по ряду ключевых вопросов расхождение между ними настолько серьезное, что преодолеть его посредством рациональной аргументации едва ли реально. В противовес Грину, верящему в возможность убедить всех в целесообразности «глубокого прагматизма», Хайдт обнаружил ситуацию, когда каждая из сторон ищет *post hoc* рациональное обоснование своих моральных интуиций, а если не находит их, то просто примыкает к сообществу, придерживающемуся аналогичных взглядов, уклоняясь от полемики. Так происходит потому, что интуитивная составляющая гораздо сильнее рациональной аргументации.

Что же влияет на формирование моральных интуиций и какими они бывают? В окончательном виде свою концепцию Хайдт называет теорией моральных оснований³⁷. Моральные основания (интуиции), полагает он, формируются у человека в ранние годы (примерно до

³⁶ Haidt 2007.

³⁷ Haidt 2012.

15 лет), после чего тот начинает сам управлять своими моральными интуициями, рационализируя их и выбирая на этой основе «своих» и «чужих». Всего Хайдт выделяет шесть моральных оснований (точнее, моральных оппозиций):

- 1) забота / допустимость причинения вреда (care/harm);
- 2) честность / допустимость обмана (fairness/cheating);
- 3) лояльность / допустимость предательства (loyalty/betrayal);
- 4) авторитет / склонность к низвержению авторитета (authority/subversion);
- 5) святость / ниспровержение священного (sanctity/degradation);
- 6) свобода / принятие принуждения (liberty/oppression)³⁸.

³⁸ *Ibid.*: 179.

Исследовав мышление индивида по этим шести основаниям и выяснив, какие из оппозиций в нем больше выражены и какие интуиции преобладают, можно составить вполне достоверный его портрет.

Как уже говорилось, Хайдт зафиксировал глубокие различия в моральных интуициях американских консерваторов и прогрессистов (либералов). Согласно его теории, различия эти сформировались в юном возрасте в той среде, в которой воспитывались представители этих групп. Какой-то рациональной аргументации, способной изменить существующие в социуме нарративы, нет, так как рациональные теории лишь обслуживают эмоциональный уровень. Итогом становится глубочайший раскол общества, который сложился на интуитивном уровне и фактически непреодолим.

На сегодняшний день в США существуют, по сути, два общества, представленные двумя основными политическими силами. Политическая риторика базируется на рациональной аргументации. В идеале предполагается, что должное обоснование своей правоты, убедительные аргументы и доказательства позволят унифицировать точку зрения на то, что хорошо, а что плохо, что допустимо, а что нет. Препятствуют этому лишь невежество, фейковая информация и тому подобные факторы, а значит, для достижения желаемого результата просто нужно их устранить. Теория Хайдта показывает, что все гораздо сложнее. Общество уже сформировалось, и никакая рациональная аргументация ничего не изменит — в том числе в политическом процессе. Различия будут воспроизводиться, и каких-то изменений не предвидится.

Если теория Хайдта верна, то из нее следуют не только весьма пессимистические выводы относительно состояния общества и политической сферы в США и, вероятно, в той или иной степени в других странах. Одновременно она ставит под вопрос и возможности политических наук, их способность находить решения существующих в мире проблем — по крайней мере, на нынешнем этапе развития.

Заключение

Рассмотрев революционные исследования, задействующие методы нейронаук, на примере концепций Грина и Хайдта, мы проследили их влияние на этические и политико-философские нормативные тео-

рии, а также на политические науки. Несмотря на все открытия, сделанные учеными в ходе эмпирических изысканий, возможности их переноса в область этики или политической философии ограничены. Этому препятствует пропасть между дескриптивными и прескриптивными (нормативными) областями знания, что иллюстрирует по сей день не утратившая своей актуальности «гильотина Юма».

Проведенный выше анализ показывает, что Грин, сформулировавший в итоге нормативную концепцию «глубокого прагматизма», сделал это без должного обоснования. Сама же эта концепция, если отвлечься от дескриптивных исследований ее автора, не является чем-то действительно оригинальным и сильно проигрывает в плане фундированности другим современным утилитаристским и близким к ним концепциями вроде «эффективного альтруизма» Питера Сингера³⁹ и Уильяма Макаскилла⁴⁰ или «подхода возможностей» Амартии Сена⁴¹.

³⁹ Сингер 2018.

⁴⁰ Макаскилл 2018.

⁴¹ Сен 2004, 2016.

Однако и без перехода в сферу нормативного революционные исследования в нейронауках ставят этику, политическую философию и особенно политические науки перед серьезными вызовами, что отчетливо демонстрирует теория моральных оснований Хайдта. Если ее автор прав, то амбиции по изменению и улучшению общества, а также универсализм, на который претендуют ведущие нормативные теории, могут оказаться лишь иллюзией. И если целью этики и политической философии является не конструирование идеальных абстрактных утопий, им придется искать ответы на поставленные в ходе эмпирических исследований вопросы. Вынуждены будут искать их и политические науки, которые, если исходить из заключений Хайдта, описывают и моделируют общество в отрыве от реальности, что критично для этой области знания.

Библиография

- Аджемоглу Д. и Д.Робинсон. (2020) *Почему одни страны богатые, а другие бедные*. М.: АСТ.
- Алексеева Т.А. (2015) «Перечитывая „классиков“: Фукидид и политический реализм» // *Сравнительная политика*, т. 6, № 3 (20): 7—20.
- Балашов Д.В. (2024) «Эффективен ли эффективный альтруизм?» // *Антиномии*, т. 24, вып. 2: 26—46. URL: https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/786/857/a855cabe0b4f95a95e32be7541e790e5 (проверено 5.10.2024).
- Бентам И. (1998) *Введение в основания нравственности и законодательства*. М.: РОССПЭН.
- Блауг М. (2009) *100 великих экономистов до Кейнса*. СПб.: Экономикс.
- Ван Рейбрук Д. (2018) *Против выборов*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Канеман Д. (2019) *Думай медленно... решай быстро*. М.: АСТ.
- Капустин Б.Г. (2015) «Макиавелли и проблема политической морали» // *Логос*, т. 25, № 6 (108): 68—104.
- Крастев И. (2018) *После Европы*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Крауч К. (2010) *Постдемократия*. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики.

- Макферсон К.Б. (2011) *Жизнь и времена либеральной демократии*. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики.
- Майр П. (2019) *Управляя пустотой: Размывание западной демократии* М.: Изд-во Института Гайдара.
- Макаскилл У. (2018) *Ум во благо: От добрых намерений — к эффективному альтруизму*. М.: Cognus (ACT).
- Максимов Л.В. (2012) «„Гильотина Юма“: pro et contra» // *Этическая мысль*, вып. 12: 124—142. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/em/em12/4.pdf> (проверено 5.10.2024).
- Нозик Р. (2016) *Анархия, государство и утопия*. М.: ИРИСЭН.
- Померанц К. (2017) *Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Прокофьев А.В. (2016) «„Не упускай из виду интуиций...“ (теоретические проблематизации интуитивных моральных суждений в современной этике)» // *Философский журнал*, т. 9, № 1: 146—163.
- Прокофьев А.В. (2020) «Утилитаризм» // *Философская антропология*, т. 5, № 2: 192—215. URL: <https://pa.iphras.ru/article/view/3754/2720> (проверено 5.10.2024).
- Ролз Дж. (2017) *Теория справедливости*. М.: УРСС; ЛЕНАНД.
- Сакс Дж.Д. (2011) *Конец бедности: Экономические возможности нашего времени*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Сен А. (2004) *Развитие как свобода* М.: Новое изд-во.
- Сен А. (2016) *Идея справедливости*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Сингер П. (2018) *Жизнь, которую вы можете спасти: Как покончить с бедностью во всем мире*. М.: Такие дела.
- Эдмондс Д. (2019) *Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо?* М.: Изд-во Института Гайдара.
- Юм Д. (1995) *Трактат о человеческой природе*. Т. 2. М.: Мысль.
- Easterly W. (2006) *The White Man's Burden: Why the West's Efforts to Aid the Rest Have Done so Much Ill and so Little Good*. New York: The Penguin Press.
- Foot P. (1978) *Virtues and Vices and Other Essays in Moral Philosophy*. Berkeley: University of California Press.
- Greene J. (2013) *Moral Tribes: Emotion, Reason, and the Gap between Us and Them*. New York: The Penguin Press.
- Haidt J. (2001) «The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment» // *Psychological Review*, vol. 108, no. 4: 814—834.
- Haidt J. (2007) «The New Synthesis in Moral Psychology» // *Science*, vol. 316, no. 998: 798—1002.
- Haidt J. (2012) *The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion*. New York: Pantheon Books.
- Thomson J.J. (1986) *Rights, Restitution, and Risk: Essays in Moral Theory*. Cambridge (MA), London: Harvard University Press.

D.V. Balashov
**MORAL INTUITIONS:
HOW THE REVOLUTION
IN NEUROSCIENCE AFFECTS ETHICS,
POLITICAL PHILOSOPHY,
AND POLITICAL SCIENCE**

Dmitry V. Balashov — Ph.D. in Law; Senior Lecturer at the School of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law, HSE University. Email: dbalashov@hse.ru.

Abstract. New methods in neuroscience, which emerged at the turn of the 19th and 20th centuries, allowed to make a breakthrough in comprehension of the human brain functioning principles, including the situations of ethical choice. The turn to the analysis of moral intuitions was so fruitful that it led to the flourishing of moral psychology, for which moral intuitions became the main research subject. Discoveries in neuroscience and moral psychology were bound to influence the areas of knowledge, where moral dilemmas and moral intuitions have traditionally been studied, primarily ethics and political philosophy. They have also affected political science.

One of the most prominent and influential in its impact on ethics and political philosophy is the concept of deep pragmatism by Joshua Greene, based on numerous empirical studies of the human brain's response to ethical challenges. Another concept of equal and, potentially, even greater importance for these disciplines, and especially for political science, is moral foundations theory by Jonathan Haidt, which is also based on brain research and neural processes investigation.

The article examines in detail Greene's research, which led him to articulate his own normative political-philosophical concept, as well as the concept of deep pragmatism itself. It shows that even though Greene attempts to distance himself from utilitarianism, his concept is, in fact, only a new iteration of the utilitarian theory of justice, which is inferior in terms of justification to other modern versions. In the final section of the article the author explores Haidt's moral foundations theory and its implications for philosophy and political science.

Keywords: thought experiment, moral dilemmas, utilitarianism, "Hume's Guillotine", moral intuitions, deep pragmatism, moral foundations theory

References

- Acemoglu D. and J. Robinson. (2020) *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. Moscow: AST. (In Russ.)
- Alekseeva T.A. (2015) “Perechityvaja „klassikov“: Fukidid i politicheskij realism” [Re-reading the “Classics”: Thucydides and Political Realism] // *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics], vol. 6, no. 3 (20): 7–20. (In Russ.)
- Balashov D.V. (2024) “Effektivn li effektivnyj al'truizm?” [Is Effective Altruism Effective?] // *Antinomii* [Antinomies], vol. 24, issue 2: 26–46. URL: https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/786/857/a855cabe0b4f95a95e-32be7541e790e5 (accessed on 5.10.2024). (In Russ.)
- Bentham J. (1998) *Vvedenie v osnovanija npravstvennosti i zakonodatel'stva* [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Blaug M. (2009) *100 velikikh ekonomistov do Kejnsa* [Great Economists before Keynes: A Introduction to the Lives and Works of 100 Economists of the Past]. St Petersburg: Ekonomikus. (In Russ.)
- Crouch C. (2010) *Postdemokratija* [Post-Democracy]. Moscow: Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta — Vysšej shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Easterly W. (2006) *The White Man's Burden: Why the West's Efforts to Aid the Rest Have Done so Much Ill and so Little Good*. New York: The Penguin Press.
- Edmonds D. (2019) *Ubili by vy tolstjaka? Zadacha o vagonetke: chto takoe khorosho i chto takoe ploho?* [Would You Kill the Fat Man? The Trolley Problem and What Your Answer Tells Us about Right and Wrong]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)
- Foot P. (1978) *Virtues and Vices and Other Essays in Moral Philosophy*. Berkeley: University of California Press.
- Greene J. (2013) *Moral Tribes: Emotion, Reason, and the Gap between Us and Them*. New York: The Penguin Press.
- Haidt J. (2001) “The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment” // *Psychological Review*, vol. 108, no. 4: 814–834.
- Haidt J. (2007) “The New Synthesis in Moral Psychology” // *Science*, vol. 316, no. 998: 798–1002.
- Haidt J. (2012) *The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion*. New York: Pantheon Books.
- Hume D. (1995) *Traktat o chelovecheskoj prirode* [A Treatise of Human Nature]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Kahneman D. (2019) *Dumaj medlenno... reshaj bystro* [Thinking, Fast and Slow]. Moscow: AST. (In Russ.)
- Kapustin B.G. (2015) “Makiavelli i problema politicheskoi morali” [Machiavelli and the Problem of Political Morality] // *Logos*, vol. 25, no. 6 (108): 68–104. (In Russ.)

Krastev I. (2018) *Posle Evropy* [After Europe]. M.: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Macpherson C.B. (2011) *Zhizn' i vremena liberal'noj demokratii* [The Life and Times of Liberal Democracy]. Moscow: Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta — Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Mair P. (2019) *Upravljaja pustotoj: Razmyvanie zapadnoj demokratii* [Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

MakAskill U. (2018) *Um vo blago: Ot dobrykh namerenij — k effektivnomu al'truizmu* [Doing Good Better: Effective Altruism and How You Can Make a Difference]. Moscow: Corpus (AST). (In Russ.)

Maksimov L.V. (2012) „Gil'otina Juma“: pro et contra” [Hume's Guillotine: Pro et Contra] // *Eticheskaja mysl'* [Ethical Thought], issue 12: 124—142. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/em/em12/4.pdf> (accessed on 5.10.2024). (In Russ.)

Nozik R. (2016) *Anarkhija, gosudarstvo i utopija* [Anarchy, State and Utopia]. Moscow: IRISEN. (In Russ.)

Pomeranz K. (2017) *Velikoe raskhozhdenie: Kitaj, Evropa i sozdanie sovremennoj mirovoj ekonomiki* [The Great Divergence: China, Europe and the Making of the Modern World Economy]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Prokofyev A.V. (2016) „Ne upuskaj iz vidu intuitsij...“ (teoreticheskie problematizatsii intuitivnykh moral'nykh suzhdenij v sovremennoj etike)” [“Keep Your Eye on the Intuitions...” (Theoretical Problematizations of Intuitive Moral Judgments in Contemporary Ethics)] // *Filosofskij zhurnal* [The Philosophy Journal], vol. 9, no. 1: 146—163. (In Russ.)

Prokofyev A.V. (2020) “Utilitarizm” [Utilitarianism] // *Filosofskaja antropologija* [Philosophical Anthropology], vol. 5, no. 2: 192—215. URL: <https://pa.iphras.ru/article/view/3754/2720> (accessed on 5.10.2024). (In Russ.)

Rawls J. (2017) *Teorija spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Moscow: URSS; LENAND. (In Russ.)

Sachs J.D. (2011) *Konets bednosti: Ekonomicheskie vozmozhnosti nashego vremeni* [The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Sen A. (2004) *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom]. Moscow: Novoe izd-vo. (In Russ.)

Sen A. (2016) *Ideja spravedlivosti* [The Idea of Justice]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Singer P. (2018) *Zhizn', kotoruju vy mozhetе spasti: Kak pokonchit' s bednost'ju vo vsem mire* [The Life You Can Save: Acting Now to End World Poverty]. Moscow: Takie dela. (In Russ.)

Thomson J.J. (1986) *Rights, Restitution, and Risk: Essays in Moral Theory*. Cambridge (MA), London: Harvard University Press.

Van Reybrouck D. (2018) *Protiv vyborov* [Tegen verkiezingen]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)